

ТОТ САМЫЙ МОМЕНТ

– А теперь развернулись и тоже показали всем им «фак»! На раз-два!

Заводила в сером костюме и галстуке озвучил предложение в митингальник, толпа же, состоявшая большей частью из совсем молодых людей, вчерашних школьников, радостно откликнулась. Колыхнулось море цветастых флагов с символикой партии, под которыми шла молодежь, и ввысь взметнулись сжатые кулаки, распрямленные средние пальцы.

– Вот вам! – орал заводила в костюме.

Их партийная колонна сопровождалась хоть и жиденьким, но вооруженным дубинками полицейским отрядом. Это и вдохновляло заводилу, решившего ответить «маргиналам». А то как же? Молодые люди, стройные, улыбчивые, в хороший солнечный день решили поддержать идеи партии, прошли по улице, дошагали до перекрестка и хотели все так же улыбочиво, по-летнему, по-солнечному, вклиниться в большое шествие. Вот прошли люди под красными флагами, вот – под трехцветными, вот – несколько человек – под зелеными... Полицейские дали сигнал: все, можно идти... И тут, поворачивая, «вчерашние школьники» увидели *их* – анархистов ли, правых, левых... черт знает, кем *они* были, но *они* были, и *их* было много.

Кем они были – молодежь разобрать не успела, да и не хотела разбирать. Артур Мглицкий, студент-второкурсник, пришел сюда с другом Саней – собственно, тот и предложил халтурку: два часа под флагами, двести рублей на выходе, а «флаг потом хоть в реку бросай, хоть в ж... засовывай». Артур согласился – ему вечно не хватало денег, даже на питание в столовке, а тут такое: просто приехать, пройтись... Безопас-

но, нескучно. И, завидев колонну суровых парней в мрачных одеждах, в устрашающих масках с прорезями для глаз, под черными, злыми флагами, он на секунду опешил, но посмотрел на конвой полицейских, и отлегло...

Завидев их колонну, «анархисты» зашумели. До Артура доносились лишь отдельные звуки, обрывки фраз: «Суки, продажные шлюхи...» А затем были «факи»: черная колонна замерла и протянула в их сторону средние пальцы. На том все могло и закончиться, если б не заводила – координатор их колонны, «политтехнолог хренов». Опыанный обещанной безопасностью, он решил ответить «анархистам»...

А затем все пришло в движение. Черная река вылилась из берегов; вооруженные кастетами, дубинами, древками от флагов, радикалы устремились к ним. Полицейские – те же вчерашние школьники – растерялись, опешили, и через мгновение цветастые флаги уже валялись на земле, а молодежь рассыпалась в разные стороны, визжа от страха. Кровь пролилась по земле: «черные» били молча, слаженно, подготовленно. Забегали сзади, перерезая пути отступления. Очнувшись, молодые полицейские кричали в рации: подкрепление, подкрепление... Артур искал взглядом лазейку – куда лучше бежать. Пока не увидел рядом с собой двух крепких парней в черном, с какими-то символами на груди. Но страшно не было. Один из парней замахнулся, готовясь ударить, но неожиданно смачно плюнул Артуру в лицо.

И он вдруг кое-что понял. В тот самый момент.

Потом их, конечно, избили, и уже по дороге домой, отплеываясь и вытирая с лиц кровь, друзья зачем-то заспорили.

– Ну ты же никогда не будешь согласен с их идеями, – говорил Саня. – Ты хоть знаешь, чего они вообще хотят?

– Это правда, – отвечал Артур, – но я не согласен и с безыдейностью. Надо, чтобы идеи были.

Друг смотрел на него с сомнением, качал головой: мол, чего ты затеял, и так хреново...

– А ты знаешь, чего *мы* хотели? – спросил Артур.

С тех пор прошло много времени. Очень, очень много времени прошло... Почему же он вспомнил теперь тот случай? Он сидел один за столом, возле задернутых штор, горела лампа. Торопиться было некуда, ведь врач же сказал: «Все случится незаметно, ну, может, прихватит, и ты поймешь... Но тут и случится, прочувствовать не успеешь...» Это «поймешь» – оно пугало, конечно. А еще пугало то, как прозвучала страшная новость – в обычном, будничном антураже: кафельные стены, стол посреди кабинета, характерный медицинский запах, даже скелет в углу и эта картинка, знакомая с детства: организм человека в разрезе – на белой стене. Как делается укол или анализ крови какой-нибудь, как говорится: «Скажи “а!” Покажи язык...»

Артур уже был спокоен, когда уточнял подробности. Саму новость узнал раньше, потом его оставили одного. И плакал, и бил кулаком о стену, и сознание терял, и искусал губы в кровь... Сидел в иступлении, пытаюсь начать думать. Пил успокоительные. Снова плакал, снова бил кулаком.

После того митинга жизнь сильно не изменилась. Ну, пришло озарение и пришло... Было над чем подумать, пока залечивал раны, пока приходил в себя. Но жизнь все равно забрала свое. Студенческие будни – нехватка денег, вечный поиск работы, с переменным успехом – влюбленности, острая нехватка развлечений, впечатлений...

Хоть и говорили, что студенчество – самое яркое время. Не получилось с яркостью. Сессии, экзамены, курсовые. Передачи, опять сессии... Диплом, госэкзамен, работа... И взрослая жизнь. Основной ее идеей стало выжить, вытянуть свою лямку – и хотелось бы, чтоб были другие, но для других не хватало ни сил, ни времени. Иногда железная хватка, сдавившая горло, ослабевала, и он предавался радости. Пьянство, разврат, что еще?

– Гедонист, наделенный отменным пищеварением и глухой к изначальному трагизму бытия, – сказала однажды жена, читая какую-то книжку. Потом отложила и посмотрела так на него: – Артур, это же про тебя!

«Может быть», – думал он. Хотя слово гедонист вызывало, конечно, усмешку. Какой из него, замученного, гедонист?

Та жена прожила с ним недолго. А другой не появлялось. Работа – машина – дом, компании, вялый отдых... Обзаводился вроде связями, деньгами да прожитыми годами. Скоро предстояло менять паспорт – последний раз в жизни, думал с усмешкой. Так докатился и до этого дня, до этого стола и этой лампы в тишине... А от той усмешки не осталось и следа...

Гулял по лесу на праздники, подцепил клеща. Не сразу заметил, а когда заметил, то долго ворчал: «С-сука, остаток выходного испорчен!» Идти в клинику не хотелось – Артур ненавидел врачей, больницы – подумал: ну, может утром, перед работой... Но к вечеру тело взял озноб, он полез в Интернет и стал читать про клещей. «Чего здесь только не пишут!» – подумал, но все-таки испугался. Решил поехать.

Редкий случай, очень редкий, объяснял потом врач, качая головой. Редкий, но меткий, понял Артур: смертельный. Он не верил. Отказывался верить. И вправду, кто вот так, с ходу, способен поверить, что можно умереть от укуса какого-то там клеща? Да не сразу, а через три дня. Но, что называется, с гарантией.

– Ничего нельзя сделать? – кричал Артур. – Ничего? Ничего?

Он не был героем, ему было страшно. И еще не отпускало странное ощущение: если вот так умереть, как говорит врач, через три дня, – глупо, то зачем была вся жизнь? Для чего? Ведь жизнь должна иметь объяснение, а он не дожил еще до объяснения! Так разве же он может умереть?

«Все случится незаметно, – успокаивал врач, – ну, может, прихватит...» Все три дня можно жить обычной жизнью, говорил он. Ну, может, легкий озноб будет. Но не более. Затем он развел руками.

Весь следующий день Артур пил. Бухал, нажирался по-черному, иными словами-то и не скажешь. Но к вечеру в голову ударило что-то посильнее водки: вдруг пьянство ускорит смерть? Гибель? А так хотелось жить. Он представил на миг: если б была семья... Дети, жена, и такая новость... Как бы они ее пережили? Что чувствовали бы? Артур порадовался, что у него не было семьи. Хотел спьяну позвонить бывшей жене... Да ведь она была не просто бывшая. Она была так давно бывшая, что и бывшая ли?

Начальнику все рассказал как было, коллегам попросил не говорить. И сам не собирался: сил не хватило бы. Да и что им с того, коллегам? Босс долго протирал очки, дышал тяжело, кашлял. Потом наконец сказал:

– Закончите здесь все дела. А то нехорошо как-то...

Совершал звонки, перебирал бумаги, сортировал, раскладывал по папочкам, папочки – по ящичкам. Упорядочил значки на рабочем столе

компьютера, очистил корзину. Скрытые папки удалил, проверил в последний раз корпоративную почту. Всегда улыбочивая Лиличка, сидевшая за соседним столом, часто строила ему глазки, пыталась склеить, но сегодня ей было словно наплевать. Она смотрелась в зеркальце, потом копалась в телефоне, потом долго и шумно пила чай. Разгадка была проста – ей кто-то подарил букет из синих роз, курьер доставил прямо в офис. Теперь она гадала: может, кто покруче, чем Артур, поинтересней? Вдруг судьба улыбнулась ей, и она все-таки выпорхнет из этого офиса счастливой птичкой? И бог с ним, с Артуром тогда, это же так, от безрыбья...

Но когда он засобирился домой, повернулась.

– Чего так? – спросила вяло. – Вроде же не планировал уходить. А тут так срочно, бросаешь все!

Он что-то ответил Лиличке, что-то совсем тусклое, и она отвернулась, уставилась в монитор.

– Старик! Ну неужели уходишь? Нашел что-то достойное себя! Ну наконец-то! Я всегда знал, у тебя получится, старичок!

Это Борис, «скользящий тип», как про него всегда думал Артур, – молодой менеджер, дальний родственник босса: прилизанные волосы, галстук в крапинку, еще вот это вечное «старичок». Артур ненавидел любого, кто обращался к нему «старик», кто вообще пользовался этим обращением... Ненавидел, но терпел, здоровался, улыбался. Но сейчас вдруг захотел высказать ни в чем не виновному, кроме того, что подвернулся под руку, Борису, все, что думает о нем и что думал всегда:

– Идиот ты, Борис, придурок! И сам ты старичок, и вообще... пошел ты... Не будь ты родственником босса, я б давно тебя уже...

Но он не сказал, больше того – он даже не смог дальше думать: мысль не шла. Стало противно.

– Удачи тебе, Борис, – тихо, но уверенно сказал Артур. – У тебя все впереди. У тебя все получится.

Прилизанный уставился недоуменно, потом переглянулся с Лиличкой. Та пожала плечами и – снова в свой монитор.

Поспал он совсем немного – мешали страхи. Ему было страшно от того, что должно случиться. От того, что неизменно произойдет. Он пытался вспомнить диагноз, который поставил врач: как же она называлась, эта болезнь, которой его наградила клещ. Да смерть – вот как она называлась, смерть! И клещ этот – сам умер, чтобы убить его, человека... Странная, странная эта природа!

Он наспех оделся и отправился в утренний парк. Жадно пил воду из пластиковой бутылки – обычную, негазированную даже воду, и она казалась божественно вкусной. Зачем пить что-то еще, если ничто так не утоляет жажду... Это вечное состояние человека. Артур сидел на скамейке, и вокруг пели птицы, и он их слушал. Ему было больше не о чем думать, у него не оставалось дел; оставалось только немного времени – чтобы послушать птиц. «Как интересно, вроде бы столько событий... Такая большая жизнь, и все в ней было». Он помнил молодость – как гулял, ходил по улицам, что-то делал, с кем-то говорил... Ведь птицы были постоянным фоном, а он их никогда не слышал. Он помнил все – но не помнил в своей жизни птиц. Как будто бы их и не было. А теперь не было ничего, только птицы.

Слышал ли он их теперь потому лишь, что скоро смерть? Потому что все так обострилось, потому что он вдруг очнулся, открыл заново мир? Нет. Он просто вырос, достиг того возраста, когда слышишь птиц.

Когда их запоминаешь. Он бы слышал их и если бы все было хорошо... Если бы ничего не случилось. Слышал бы так же.

Потом он гулял, шарахаясь от случайных прохожих, и к нему приходили совсем уж странные мысли.

«Я ничего не знаю о жизни. Ничего не знаю о себе. Ничего не знаю о своем роде, предках. Даже о своей семье. Об истории...»

А ведь история – это и есть жизнь, и она – не такая большая, думал Артур. Не жизни – какого-то года хватило бы, чтобы ее узнать, охватить: чем жили люди раньше, как они жили. И может, понять зачем. Но он не успеет. Артур подсчитал: один век – сотню лет – проживает «ну, где-то пять человеческих поколений: он, отец, дед, прадед...» Прапрадед – это уже другой век. А всего-то двадцать веков осмысленной, внятной человеческой истории, а российской – и того меньше. «Когда там был Рюрик? Девятьсот восемьдесят восьмой? Восемьсот девяносто какой-то?»

Артур подумал то, чего никогда не думал прежде: какое-то совсем смешное количество поколений отделяет его от Рюрика, от тех времен... «Пятьдесят, семьдесят? Ну где-то так... А до Иисуса Христа?»

Вот и вся жизнь человечества, о которой он, обычный человек, ничего не знал. Мысли вернулись в привычное русло: как хорошо, вспомнил он, что нет в живых ни отца, ни матери. Клещ! Как бы он сказал им: меня укусил клещ... Представляете, мама и папа, смертельный клещ замедленного действия.

«Впрочем, а вдруг они знают? А вдруг я увижу их?»

От этих мыслей было холодно, он гнал, гнал, гнал их от себя... Впивался глазами в любое дерево, чтобы думать о дереве, в любую травинку, чтоб думать о травинке, чтобы раствориться в ней, стать ею.

А потом, ближе к ночи, оставалось только сидеть. Он ушел от людей, очутился дома. Что ему было делать? Переоценивать ценности, корить себя за упущенное, наслаждаться приятными воспоминаниями? Проживать жизнь заново... Впрочем, была ли жизнь? «Бытность, – вспомнил он странное слово. – Вот это что: бытность».

Он ничего не вспоминал, ничего не переоценивал. Просто сидел.

– Беда, – сказал он. За окном – Город. Артур задернул шторы, включил настольную лампу.

И вспомнил митинг. Он идет молодой, в колонне. А напротив – толпа непонятных, страшных людей. Почему он все это вспомнил?

Что-то щелкнуло в мозгу, переключилось, словно опустился неведомый рычаг. Артур почувствовал несильный укол в сердце. А само тело словно свело судорогой, затем оно застыло, а затем он осознал со всей ясностью: это тот самый момент.

– А теперь развернулись и показали им «фак»! На раз-два...

И парни в черном, бегущие к нему.

Но страшно не было.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ ЛИФТ

Осень и в этом году наступила рано. Имело смысл встречаться днем – чтобы пройтись по светлому городу Петербургу, а не бродить впотьмах в поисках кафешки, в которую можно было приткнуться. Павел набрал номер.

– Мы отоспимся сейчас, и потом я тебе позвоню, – ответил женский голос шепотом и так быстро, словно выпалил скороговорку.

– Ну, привет, во-первых, – опешил он. – Кто это – мы?

– Я с ребенком же приехала, забыл?

– Да нет, не забыл, – Павел почесал голову. – Но я думал, тебе есть где... с кем оставить. Ты же у кого-то там остановилась.

– Ну да, у подруги.

– Так ты выходи, за ребенком присмотрят, – по правде, Павел не очень любил детей и совсем не знал, что делать в их обществе. Хотя и не испытывал к ним неприязни: дети ему были безразличны.

– Ты сам как ребенок, – сказал женский голос, как показалось Павлу, раздраженно. – Ну что ты, не понимаешь? Мы всегда вместе.

«Ты не говорила, что мы будем встречаться с ребенком», – хотел было ответить мужчина, но решил не начинать: и вправду звучало бы как-то по-детски. Но что сделаешь, он этой встречи ждал – с тех пор как она написала, что приедет в его город из своего прекрасного далека, где обитала в последние несколько лет, он, можно сказать, считал дни. Придумал программу: прогулка, ужин, вечерние гуляния по центру вдоль Фонтанки с шампанским, веселые истории о былом...

– Ладно, Лия, – хмыкнул он. – Отсыпайтесь. Ты в каком районе хоть остановилась?

Услышав ответ, он присвистнул: как далеко от центра! Где-то между «Московской» и «Купчино», хуже и не придумаешь! Пока они там отоспят, пока будут ехать...

– Может, ты сюда приедешь? – прозвучал голос в трубке.

– У тебя будет так мало времени? – спросил Павел.

– А что, – усмехнулась она. – Ты думал, я на ночь останусь?

Павел почувствовал себя глупо, словно его устыдили: и вправду, чего это он? Приличная замужняя женщина приехала в город, где давно не виделась – наверняка – не только с ним. С ребенком опять же... Да ведь и сам он уже несколько лет был, как говорят, несвободен – в браке, хотя и без детей.

Но он подумывал, чего скрывать. Не то чтобы надеялся, не то чтобы ждал, не то чтобы хотел во что бы то ни стало. Однако – не исключал. Был бы не против. Был бы только за. И даже присмотрел пару гостиниц. «Своя» была в командировке – объяснять ничего не пришлось.

Повезло, считай. И тут Лия... Внезапно ему стало смешно – от своей же глупости, от нелепости всей этой дикой, но банальной ситуации.

– Что, убиваешь интригу? – расхохотался он.

Но Лия не поняла шутки.

– У нас там парк небольшой, у метро.

– Что-то не помню на «Московской» парков...

– Да нет, мы к парку Победы подъедем.

Ну вот, она теперь – это «мы».

– Вот в нем и встретимся. А потом я поеду, – она назвала еще одно кошмарное место в городе: то ли «Ломоносовскую», то ли «Елизаровскую», – к подруге. Там у нее и останусь.

– Звони, – сказал Павел и положил трубку в карман.

Он отправился на кухню, достал из холодильника рагу, приготовленное женой перед отъездом, и положил пару ложек в тарелку. Поставил в микроволновку.

Открыл ноутбук, зашел в папку «Фото». Вот она, Лия, – восемь лет назад. Совсем молодая девочка... Ну как – это теперь казалось, что молодая. А на снимках им по двадцать пять – ровесники, даже дни рождения рядом: у нее с небольшим отставанием, как и положено женщине – в несколько дней. Все-таки чуть моложе.

На фото они у разведенных питерских мостов, белые ночи, – улыбаются, Павел обнимает Лию, целует ее в щеку. Вот она с цветами в его квартире, вот они в снова в центре, но уже с друзьями – как их зовут всех, вспомнить бы? – что-то пьют, а вот они снова дома, Лия в короткой юбочке... Были фото и откровеннее, но удалил их все. Потом жалел часто. А часто – не жалел.

Со временем он забыл ее. Как забывается всё и забываются все на свете. А в те дни казалось, что забыть ее нельзя. Что забыть ее невозможно. Лия не была с ним счастлива. Она своей маме однажды сказала такое, что было так больно узнать...

– Ну как там у вас с Пашей? – спросила мама.

– Да чего говорить-то? Он так, запасной вариант.

А мама взяла и рассказала Паше. Думала, сам уйдет – обидится и уйдет. Мама хотела для дочери лучшей судьбы. Да и сама дочь хотела. Кто был такой Паша? Перебивался случайными заработками, постоянно крутился «со своими пацанами», серьезными вещами не интересовался. Пил, на футбол ходил. Ночью шатался по улицам.

– Я люблю тебя, Лия, – говорил он. – Я сделаю все, чтоб с тобой быть, ты только скажи... А то я ж не понимаю, что тебе не так.

– Ну так соответствуй, – загадочно говорила Лия, облаченная в тонкое леопардовое пальто. Так завершилась одна из последних встреч. «Восемь лет, – думал Павел, поедая свое рагу. – Восемь лет».

Потом он закрыл ноутбук. И даже занялся мелкими делами: что-то нужно было подкрасить, что-то подкрутить, что-то прибить. Но воспоминания не уходили, наоборот – наступали с новыми силами. Словно это они *подкрепились*.

– Ты что, ждешь, что я признаюсь в любви? – смеялась Лия. – Я не люблю тебя. Зачем говорить то, чего нет?

Был день его рождения – единственный, который они праздновали вместе. Павел стоял на крыльце ночью и долго – одну за другой – курил. Было ясно, что все это кончится. Но он был готов прожить до конца. Ему без нее было плохо, одиноко, муторно – в те годы он думал, что это и есть любовь. Он писал ей эсэмэски о том, как она прекрасна, как звезды

и небо любят ее и желают ей доброго утра и хорошего, полного чудесных впечатлений дня. А время шло – и шло быстрее, чем он думал.

За восемь прошедших лет жизнь Павла наладилась. Она не стала слишком уж хорошей – скорее обычной, как у многих. В ней были заботы, проблемы, и даже тоска была. Но все-таки она стала лучше. У многих пацанов, с кем гулял ночи напролет Павел, жизнь лучше не стала. Так что, считай, повезло. Он добавил ее «ВКонтакте», стали переписываться: как дела, нормально. Несколько лет назад у Лии родился ребенок – эта новость промелькнула где-то между спортом и политикой и не вызвала в нем эмоций: ну, родился и родился, хорошо.

А тогда...

– Вот зачем ты мне все это пишешь? – говорила ему Лия. – Все эти слова – что люблю, не могу, ты такая красивая, классная... Ну и чего? Ну красивая, классная. Дальше что? Это ж одни слова. Постоянные слова!

– Вначале было слово, – пошутил Павел. Он и не знал, что эта невинная фраза и станет последней каплей.

– Все, – Лия выпустила его руку и резко рванула вперед. Под ногами тревожно метались осенние листья, покорные ветру, словно своей судьбе. Осень тогда наступила рано – как и теперь.

– Я не хочу отношений, – кричала Лия и бежала, бежала куда-то вперед. – Мне надоело. Ищи себе ту, для которой... вначале слово.

Он пустился за ней, хотел остановить. Не понимал, как можно бежать в тот момент, когда рушатся отношения, как можно торопиться... ведь он же такой важный – этот момент.

– Ну остановись ты! – воскликнул Павел в сердцах. – Подумай, что делаешь.

– Я? Уезжаю, – насмешливо выдохнула Лия. – Уезжаю в Москву.

– Да? – Павел опешил. – И что ты там делать будешь?

На этот вопрос он получил ответ все в той же ленте новостей, когда там стали появляться первые фото со свадьбы и полные трепетных смайликов поздравления ее подруг. Лия выбрала мужа смуглого, кареглазого, черноволосого, крепкого – похожего на цыгана. Да еще и айтишника, как он узнал позже.

– Не, ну ты представляешь – айтишника, – кричал он в пьяном угаре своему беспросветно далекому от этой трагедии другу. – Ай-ти-шни-ка!

– Ну, и чего? – икал друг.

– Как чего? Тут даже объяснять ничего не надо! Тебе недостаточно, что он айтишник?

Павел выглянул в окно – скоро совсем стемнеет. «Зачем решил встретиться?» – думал он. Лия причинила ему много боли – но все это было давно, так давно, словно и вовсе не было. А на фото он видел красивую женщину – молодую, стильную, ставшую только лучше за эти прошедшие годы. Переспать с ней теперь, если такое представить, – значило только одно: свести наконец счеты. Не с ней – с тем собой, который убивался от отчаяния, от невозможности вернуть ее, что-то изменить. Было заманчиво сделать это теперь, когда оно было совсем не нужно, совсем не обязательно, но... в принципе, неплохо. «Просто сделай это, – думал он. – Заверши ту историю, что когда-то начал. Поставь наконец точку». Почему-то ему казалось, что и сама Лия будет не против: вырвется из будней, как об этом часто говорят.

Но теперь, связавшись с ней утром, он понял: никакой точки не будет. Будет встреча – возможно приятная, возможно, какая еще –

но короткая. Встретиться и разбежаться, чтобы... чтобы что? Наверное, уже никогда не увидится.

– Я буду любить тебя вечно, – кричал он ей в трубку. – Буду! Буду!

– Сукой буду, не забуду, – смеялась Лиечка из далекой Москвы.

«Может быть, *это* и есть настоящая точка? – размышлял он уже в метро, по дороге к ней. – Такая, как надо».

В московском парке Победы было уже так темно, когда они встретились, что даже на телефон оказалось нечего снимать. «У нас в Москве утки толще». – «У нас в Питере все по-прежнему». На траве, возле аллеи брэнчал на гитаре уличный музыкант – унылый шансон, решил Павел:

Ты виновата сама,
Что не поверила в это.
В городе Бийске зима,
В городе Питере лето.

Песня ему не понравилась – в городе Бийске бывать не доводилось, а петь про лето в Питере было поздновато: хотелось разве что вздохнуть, в очередной раз вспомнив, как быстро оно прошло. Павел прошел мимо музыканта.

Лия была маленькой и стройной, но уставшей – по глазам было видно: регулярно недосыпает. В какой-то момент между ними повисла неловкость.

– Ну, как дела-то? – спросил Павел, лишь бы что-то спросить.

– Да вот все мои дела, – она показала на ребенка. – Вот и все.

Для интереса он даже взял ручки коляски и покатил ее – под пристальным наблюдением Лии.

– Да... любопытные ощущения, – только и нашел что сказать он.

Павел и не заметил, как они оказались на детской площадке. Лия оставила коляску и пошла с малышом на горку. А устав от горки – к деревянному грузовику. Ребенок сидел довольный, изображая водителя, а Лия крутилась вокруг него, лепетала что-то. Павел стоял рядом, смущенный, и не знал, чем занять себя, что сказать. В какой-то момент ему захотелось уйти.

– Ну, чего ты? – спросила Лия. – Расскажи что-нибудь. А то все молчишь.

– Так и ты все... вроде с ребенком. Чего я встревать буду.

Внезапно он понял, зачем так хотел этой встречи. Нет, переспать, «завершить» – это только напускное, он и сам понимал теперь, как глупа была такая идея. Павел пришел на встречу, чтобы что-то почувствовать, что-то прожить – хоть какую-то высечь эмоцию из тех двух холодных камней, которыми они вдруг оба представились в его воображении. Но ничего не высекалось, не рождалось. Даже не вспоминалось ничего.

Другие люди будут жить, страдать и побеждать, проигрывать и подниматься, влюбляться и добиваться, встречаться и вспоминать, в конце концов. Другие люди будут создавать мир или менять его – это пока неважно. «А наша задача теперь одна – выпустить их в этот мир. Мы свое прожили и свое пережили». Внезапно Павел ощутил неловкость, оттого что у него нет ребенка. Вот у нее, у Лии, все правильно, все так, как надо, – по биологическим часам, нормальной человеческой программе. А у тебя? Женат? Ну хотя бы. А ребенок? Ребенок-то где?

В свои тридцать три он впервые понял: наступила осень. Но как же она рано наступила! Или осень – всегда наступает рано?

Ребенок Лии смущал Павла – он был похож на отца-цыгана как две капли воды; должно быть, отец гордился. От девушки, в которую тот, молодой совсем, Паша был так бесконечно влюблен, в малыше не было ничего. Он орал, бесился и ломал все, что ему попадало в руки. Лия крутилась вокруг него и причитала:

– Попей этого сока... Поешь каши... Возьми кота, ну посмотри, какой кот!

– Так и живем, – говорила она Павлу, и он, не зная, что отвечать, кивал. Только однажды сказал, про ребенка:

– У него какая-то страсть все крушить, ломать.

Ребенок крутил в руках резинового кота и, кажется, пытался свернуть ему шею.

Лие кто-то позвонил, и она долго кивала, слушая голос в трубке, и ничего не говорила в ответ. Ребенок подошел к маленькому мусорному баку возле кафе, чуть приподнял и отшвырнул от себя. Мусор и окурки покатались по асфальту.

– «Зенит» – чемпион! – крикнул Павел, изображая веселье. А сам подумал: «Ну вот. Это и есть точка».

– Поможешь довести коляску? – спросила Лия.

И добавила:

– А то как самой?

– На «Ломоносовскую»? Или «Елизаровскую»?

– Да там от любой доеду.

– Может, такси? – предложил Павел, но Лия сказала:

– Нет.

Это слово она говорить умела – все так же твердо, как и восемь лет назад.

Они стояли на станции, возле раздвижных дверей. «Горизонтальный лифт», вспомнил Павел и тут же сказал об этом Лие – лишь бы только не молчать.

– Такие станции есть только у нас, в Питере, – со знанием дела добавил он.

– Ага, – Лия кивнула. – Бери вот здесь, сейчас заезжать будем.

Павел вспомнил – но на одно лишь мгновение – точно такие же двери, но только другой станции. То ли «Маяковской», то ли «Александра Невского». Лия уже не была «его девушкой» и перевезла половину вещей в Москву, но они зачем-то встретились еще раз. Хотя – понятно зачем: он хотел вернуть ее, хотел «добиться». Но для Лии все было решено. Они возвращались с концерта Налича – черт его дернул идти на Налича, скучно же, и пацаны бы не поняли. Но Лия любила Налича, а он любил Лию – вот и пошли. Он потянулся поцеловать ее, слыша звук приближавшегося поезда. Ему – на другую ветку.

– Ты все еще надеешься, что что-то будет? – засмеялась Лия, погладив его рукой по щеке. – Смешной ты.

И двери «горизонтального лифта» распахнулись, забирая ее навсегда.

По морям да по волнам,

Ай, лодочка несется.

А моряк на корабле,

Ай, весело смеется,

– пел Петр Налич, и Павел раскачивался в такт музыке и шептал слова красивой песни. Лия улыбалась. Когда он был в последний раз на концерте? Хоть на каком-нибудь...

– А ты?

– Ой, не спрашивай, – отмахнулась Лия. – У нас дома знаешь, какие концерты... По заявкам и без.

Он помог занести ей коляску в трамвай, ну а дальше – «подруга встретит», сказала Лия.

– Так что можешь идти, – улыбнулась она. – Я была рада тебя увидеть.

Павлу вдруг захотелось, чтобы она спросила – хоть он и понимал: не спросит, – а есть ли те чувства, ведь обещал любить всю свою жизнь, до смерти, помнишь? Что бы он сказал? Павел смотрел ей в глаза и подбирал ответ на этот вопрос, который никогда не прозвучит. А трамвай подъезжал к остановке.

«Разве это имеет значение? – пожалуй, произнес бы Павел. – Какая разница?»

Он улыбнулся и тихо сказал:

– Я тоже.